

Опасные
удовольствия

АНДРЕЯ СИМОНОВА КО

ДОПУСТИМ, Я ПРИЗНАЮСЬ

Опасные удовольствия

Дарья Симонова

Допустим, я признаюсь

«Центрполиграф»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Симонова Д. В.

Допустим, я признаюсь / Д. В. Симонова — «Центрполиграф»,
2022 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-10147-1

Когда-то они были одной компанией, были дружны, близки... Новогодняя встреча давних друзей обернулась для одного из гостей смертью. Полиция ничего криминального не обнаружила, но Федор Вавилов сразу понял, что это убийство, и разгадка кроется в общем для всех прошлом («Допустим, я признаюсь»). Магду всегда привлекали незаурядные личности, и ради Саввы Островского Магда уговаривает своего приятеля разобрать архив, принадлежащий Островскому, и найти документ, доказывающий принадлежность Саввы к королевской династии. Они не подозревают, что в поисках важного свидетельства у них имеется энергичный и безжалостный конкурент... («Голубь Ее Величества»).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-10147-1

© Симонова Д. В., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Допустим, я признаюсь	6
Эмоциональный слепок тела, или Фантом на десерт	7
Вкусно и без последствий	11
Королева темных аттракционов	13
Город, свободный от государства	15
Кровная аннексия, или Острые края возвращенного	18
Опавший нимб	24
Mea culpa[1]	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дарья Всеволодовна Симонова

Допустим, я признаюсь

© Симонова Д.В., 2022

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2022

Допустим, я признаюсь

Почему нельзя уехать куда-нибудь на Мадейру и быть счастливым? Почему мы так несвободны в своей земной жизни, ведь каждому по праву рождения принадлежит планета – но мы не знаем об этом праве. Напротив, нас так берегут от Мирового океана, стараясь с самого первого дня утопить в чахлам болотце иллюзий, в котором мы пребудем до конца своих дней. А там, на глубине этой душной жижи, нас опутывают водоросли-привязанности, неразрывные канаты, которыми мы будем всю жизнь оправдывать нашу немощь и страх. И многие из нас так и не поймут, что их удерживало в этом болотце, не отделят зерна от плевел – любовь к человеку от пожизненной устроенности в потоке, в толпе, уютной, как одеяло, и убийственной, как подушка душителя. А потом мы удивляемся: что нам ни дай – все мало... Человек лишен самого главного. Разве можно с этим смириться и не искать свою взлетную полосу?

Эмоциональный слепок тела, или Фантом на десерт

Он не мог остановиться и проигрывал в памяти причины и следствия, которые привели его сюда, в эту воронку обстоятельств. Закрутило тогда крепко и красиво, и он бросился со всех ног на обманку блесны в бездне, забыв запереть за собой дверь дома. Впрочем, домом он свои временки не называл – скорее, лежка, пристанище, крыша над головой... что, кстати, не умаляло их достоинств. Скажем, эстетических. У него был тайный стовор с гением места. Преступный роман с подворотней. Преступный лишь по отношению к самому себе.

Что, конечно, скрытая пружинка происшедшего. Чуть теряешь бдительность – и ты в лапах старинной компании. Десять жизней назад это была его родная банда – и вот она возникла перед ним, словно симпатично состаренная временем фата-моргана. Закадычным друзьям мы быстро прощаем износ, лишь бы внутри не менялись. Они поймали Вавилова сетью и позвали на Новый год. Не смешите мои тапочки, подумал угрюмый нелюдим, неужели кто-то еще празднует эту дребедень?! Ему в ответ крикнули: «Приходи, Фидель, и испорти наше санта-клаусовское трепетное настроение как нежную целочку!» И он, как последний дурак, накопил дорогуших конфетно-игрушечных свертков в стильной английской лавке, где набор носовых платков стоит ползарплаты...

Это была опасная встреча. Когда сразу прошибает жар перевозбуждения и ностальгического хохота, а ведь еще даже не разлили. Надо бы одуматься, собраться с аргументами и вовремя незаметно улизнуть. Ничего хорошего не жди, когда сразу так хорошо... Кто были все эти люди? Можно сказать, что Вавилов их уже не помнил. Не помнил, но любил всех, оптом, ничего личного – только молодость. Шикарная Белкина потолстела, но не утратила едкого шарма. Сказала, что встретиться спустя годы с таким самцом, как Фидель, – это как проверить на зубок собственную сексапильность: насколько она утрачена и раздувается ли фитилек, как раньше! Вавилов давно не вспоминал свое юношеское прозвище – Фидель, потому как Федя, дань хипповой моде, – и не был готов к таким авансам. Он боялся напористых провокаторш и решил держаться поближе к Оле с Сашей, гостеприимным хозяевам, тихой симпатичной семейной паре. Они потягивали политкорректный невкусный брют, но стол, увы, ломился от яств и алкоголя, и каждый наливал себе все, что хочет. Вавилов стыдно, не мужски быстро достиг кондиции доверительности, и его подмывало спросить, правильно ли он помнит, что Сашка подрабатывал рэкетиром – недолго и нешибко, а Оля стриптизершей. Ему казалось, что в сложившейся этим вечером-ночью обстановке вопрос вполне уместен.

К счастью, можно было отвлечься едой. На кухне прислуживал повар, дельный дружеский парень, разговорившись с которым Вавилов узнал, что тот играет по будням в джазовом клубе... как тут не вспомнить Россини и его «вот в чем я действительно мастер...». Повара, кажется, привел с собой Олег, размашисто басивший над застольем и раздающий ради хохмы юморные визитки, в которых значилось «арт-директор развлекательного центра „Альфонс“». В первую очередь регалии были приписаны Максу, что всех вульгарно тонизировало, а Вавилов, видно, был не в теме. Почему Макс альфонс? Он же вроде независимый теневик-отшельник на велике, отучился в свое время в Институте нефти и газа, что дало ему многообещающие полезные связи. Зачем ему жить за счет одной женщины, если он в состоянии тихо открутить краник в хитросплетенном подбрюшьи финансовых потоков родины?

Чтобы Вавилов слишком не задумывался, Олег и его допрашивал на предмет нынешних занятий и заработка, и когда услышал «психогеограф», то покровительственно предложил вакансию администратора. Вавилов не вслушивался, что и где ему предлагалось администрировать. Может, и зря – Олежек всегда был хотя и нелеп, но дружелюбен. Жаль, что не было Орлуши – она бы все разъяснила. Но понесла ее нелегкая на океан, одинокую йогиню...

Были в основном все свои, разумеется. Кроме опоздавшего Макса, с губной гармошкой пришел, конечно, спившийся Игорек с новой подружкой – молодой приبلудной Анжелой, которой сразу стало стыдно за спутника, и она испуганно секретничала с Оленькой, хозяйкой дома. Но игру затеяла как будто не она. Тогда кто? Кто-то ведь объявил о ее начале, кто-то принес лимонный пирог, кто-то углубился в историю обычая голосом... Голос! Здесь собака и зарыта. Бесполой и безликий голос. Плоский, словно щелчок по дешевому пластику. А физиономия – в маске. Еще бы клоуна привели, как к отпрыскам не расцветши увядшего мидл-класса! Маска была венецианской, а тело – вместилище неприятного тембра было облачено в черный плащ до пола. К чему был этот отсыл к комедии дель арте, если обычай то ли французский, то ли бельгийский... Впрочем, кто же из массовиков-затейников заботится о чистоте стиля! Но важно другое: как бы нелепо это ни звучало, Вавилов так и не понял, кто скрывался под этим одеянием – мужчина или женщина! Свой или незнакомец? Бутафорская фигура появилась в момент самой приятной стадии вечеринки, когда хмель уже всех расслабил, но обязательная программа кратких анамнезов прошла. Можно уже болтать и исчезать, с кем хочешь. Но – опа! – надо же встретить Новый год и спросить у Белкиной, зачем она увеличила и без того культовые сиськи. Неужто собралась на ПМЖ в Эмираты? Да не хотел он ее обидеть, просто симметричный ответ на ее глупости. Она выиграла приемистыми формами от гнева и удовольствия, – и разгореться бы меж ними светской перепалке на грани фолы, а потом бы чему-нибудь взрослому и приятному, ведь глаза-то ее, редкого для женщины оттенка хаки оставались спокойными, как у львицы, знающей добычу на вечер... Но тут и вторглись дурацкие ритуалы. А ведь кто-то ими руководил! Кто-то, по ощущению Вавилова, навязчивый, вздорный и невидимый.

И все с ним почему-то соглашались. Девочки хотели вспомнить юность и утопить пепел своих желаний в бокале с шампанским. Мужики мерялись друг с другом денежным фаллосом. Все объяснимо, но Вавилов ждал от своих... другого. Его заранее тошнило от праздничных массовиков-затейников и игр, которые они предлагали в подвыпивших компаниях. По его разумению, мало-мальски развитых детей и то должны раздражать подобные затеи, ведь даже обезьяны умеют сами себя развлечь... Но правила, оглашенные ряженым пластиковым Голосом, должны были соблюдены неукоснительно: кому достанется кусок пирога с сюрпризом, тот бобовый король и раздает всем задания на новогоднюю ночь. Такой вот далекий фламандский обычай. Едрить твою в ёршик! Может, еще Снегурочку покричим? Разумеется, Вавилов принял это за глупую шутку. А все было всерьез.

И кстати, никому он настроение не испортил. Не успел.

Потому что бобовый король взял пьяного Фиделя за шкирку и спустил с лестницы в черную дыру. Почему и кто решил его наказать таким странным образом? В разгар праздника ему в голову не пришло прислушиваться, кому выпал жребий разбрасывать жребий. Но поневоле он запомнил эту мизансцену. Роковой кусок пирога достался... помощнице повара. Расторопной девушке Полине, которая посматривала на тех, кому прислуживала, с овечьей прохладцей. Так смотрят на мир дети подзаборных алкашей: кажется, что это пассивная агрессия – на самом же деле глухая и вьевшаяся в подкорку защита. А если их разговорить и дать понять, что ты к ним не по-скотски, то может открыться такой мил человек...

Но все эти идиотские задания придумала, конечно, не она. Кто-то ей услужливо подсунил шпаргалку, по которой она, деревянно смущаясь, зачитывала указания. Самый большой ажиотаж вызвали задания для Олега и Макса: одному – пойти на улицу и добыть в виде трофея женский аксессуар, любой и любым способом, а другому – переодеться в женские шмотки – используя добычу товарища, и пойти к соседям попросить огонька. Голос в маске услужливо предоставил реквизит. Олечка и Анжелика – косметику. Саша радостно вспомнил щадяще скабресный анекдот про переодетого в мини-юбку Шерлока Холмса. Полина светилась в его сторону простодушной улыбкой, и, помнится, тогда у Вавилова мелькнула какая-то догадка

про нее, но и тут же канула в потоке пьяного сознания. А потом очередь дошла до его персоны, и он пожинал хищное ехидство Белкиной, которая пришла в восторг от самой идеи легкого праздничного возмездия – отправить бабника Федю к брошенной им женщине. Прямо на десерт, без звонка. Мы уже забыли, как это – вваливаться к бывшим с бутылкой без звонка и приглашения. Это-де возрождение традиции, целого пласта национальной культуры! Вавилов слушал всю эту пургу и ушам не верил. Белкина, что с нее взять... «Белочка, ну какой из меня бабник. Я типичный мужчина средних достоинств». «Тогда просто сходи в соседний дом и выпей шампанского с бывшей подругой! А нам помаши из окна».

Вавилов ничего не мог понять: какое окно, зачем?! Какая бывшая подруга? Он никогда здесь не был! Но пьяная толпа идиотов злорадно вопила «Фас». Или она, в отличие от провозглашенного Казановы, была не такая уж и пьяная... Люди, которых он любил двадцать лет назад, превратились в дурной сон.

И тогда с веселой мстительной злостью Вавилов рванул дверцу хозяйского холодильника и выхватил первую попавшуюся шампанскую бутылку и один из шикарных тортов несуразной вытянутой формы – словно камень Самсонкин гроб, достопримечательность вавиловской родины. Пускай пожертвуют жратвой, раз им захотелось пошутить! Но никто и не перечил, все были в плебейском предвкушении какой-то пошлой интриги...

Орлуша потом недоумевала: зачем ты вообще там оказался?! Послал бы с треском все эти новогодние игры стареющих идиотов. Ты спекся, Фидель! Может, и спекся... Кто он такой, чтобы ломать праздник, пускай даже убогий. Его разыскали, пригласили, ему вроде как рады. Его даже альфа-самцом назначили, хотя он никогда на эту роль не претендовал, во всяком случае – с должной для этого статуса похотью и агрессией. К тому же он много лет вычеркивал Новый год из жизни, и, возможно, это была его епитимья за несложившуюся семейную рапсодию. Поэтому капризы были исключены – да и несвойственны они ему...

– Типично мужская мягкость, – вздохнула Орлуша. – Быть самим собой – не каприз, а насущное право. Но в тот момент ее рядом не было – она не боялась осуждения «фамусовского общества», она была вольна не принимать приглашений...

Он определенно был первый раз в этом доме. Он мог забыть одноразовую женщину, но дома он запоминал. Выходит, его внутренний навигатор был более развитым, чем половой инстинкт. И чем душа, конечно! Ведь именно душа – это краткое название органа привязанности? Ей же обычно приписывают ответственность и совесть, долг и сострадание. Сюда же обиженные женщины втискивают родительский и сыновний инстинкты. Душа получается крайне перегруженной субстанцией. Но, по глубокому убеждению Феди Вавилова, все обстояло как раз наоборот. Душа – это полость блаженной пустоты, скрытая в тайниках тела. Пустоты, наполненной небом свободы, газом, который легче воздуха. Это орган вертикального взлета и озарения, благодаря чему мы можем воспарить из бездны...

Иногда этой бездной бывает быт. И тогда ты исчезаешь вместо того, чтобы ехать за новым смесителем в «Леруа Мерлен» или за мешком картошки. Кому это понравится... И эту дилемму до сих пор не разрешила даже умная Орлова.

Хотя и она была согласна с тем, что душа не обязана никому нравиться.

Дом, куда он пришел, был кирпичной пятиэтажкой с обгрызенными временем боками, со стеклянной шахтой лифта, пристроенной извне, и со сломанным кодовым замком. Вавилов любил такие дома, ему казалось, что в этой неброской, но надежной материи произрастают такие же люди – верные, непритязательные, отзывчивые.

Хотя эти домислы – лишь приятная часть его архитектурных фантазий. Ближе к дантовому «сумрачному лесу» Федя Вавилов понял, что мечта его неосуществленная – архитектура. И что ему было делать? Он примостился на задворках своего несбывшегося призвания, сделав вид, что открыл новое направление на стыке наук – персональную психогеографию. Некая отрывистая теоретическая база у него была – не совсем уж горький он пропойца. И психогео-

графия – эта трудноопределимая взрывная смесь, изобретенная французской философской шпаной, – пришлось ему по вкусу. Вавилов размашисто объявил себя автором персонального ответвления этой малопонятной дисциплины, разродился манифестом популистского толка и стал неспешно обрастать паствой. Главным козырем его теории был «эмоциональный слепок тела».

Вкратце это означало, что в местах, где мы жили и которые покинули, – особенно, которые любили! – остаются наши эманации. Сгустки нашей энергии или, как назвал Федя для важности, эмоциональные слепки тела. И эти сгустки начинают жить своей призрачной жизнью, при этом сохраняя тонкую связь с нами. И когда в покинутых нами домах происходят драмы, наши сгустки-слепки страдают. А значит, страдаем и мы, только понятия не имеем от чего. Откуда приходят к нам ненаследственные болезни? Возможно, что и оттуда... Задача персонального психогеографа – разрешить этот конфликт. Помочь найти человеку тот дом, который заглотил часть его «Я», забросил якорь в его плоть, словно осколочное ранение, вернуться туда и забрать оставленную часть себя. Тем самым излечиться от фантомных психологических болей! Примерно так...

Федя Вавилов предупреждал сразу, что он шарлатан и пьяница. Он не любил и не хотел никого обманывать. Просто он был уверен во вредном воздействии эмоционально живого прошлого, которое убивает зародыш будущего еще в утробе судьбы. А ведь мы и так испытываем острый дефицит светлых горизонтов! Они стали такими пресными, разлинованными оплатами ипотечных кредитов и корпоративными обрядами. Абсурдное закручивание гаек на рабочих местах вернуло крепостное право, и теперь у нас диктатура с отягчающими техногенными обстоятельствами. Какое уж тут будущее... Тем более ценен и жизненно необходим нетронутый социальной скверной, рожденный в муках путь. Так ищи и храни его, а не стеной по утраченной юности, армейским друзьям и общажной картошке с яичницей. Вот как я! Федя честно осуществлял на личном опыте то, что декларировал. Он презирал нормированный рабочий день, жалобы на семейный хомут и прочую кабалу. Не нравится – уходи! И открывай свою лавочку.

А потом пошла череда кризисов, и непоколебимый Фидель стал часто запивать. Если бы не Орлуша, которая порой его выхаживала, где бы он оказался... И вот теперь он по чьей-то праздничной прихоти оказался у двери своей якобы бывшей подруги. Возможно, здесь остался его эмоциональный слепок? Нет, вряд ли. Было лишь одно место в мире, откуда Фидель так и не смог уйти, но сие неизбежность.

Он позвонил, садистски пресекая в себе вариации на вопрос «кто там?». Пускай это будет взрывная импровизация. Но ему открыли без всяких вопросов: так открывают, когда кого-то ждут. И это в порядке вещей – новогодняя ночь! Ему открыла улыбающаяся женщина на костылях. Он ее моментально вспомнил, хотя и не ожидал такого от глупой затеи, и потому немного испугался, и узнавание сорвалось вниз, но легко и безболезненно, словно белка с сосны. Женщина стояла перед ним, и улыбка медленно остывала на ее лице, уступая место испуганному любопытству. И Вавилов хорошо знал, что виноват перед ней.

– Здравствуй, Варенька! – исторг он из себя осколки импровизации. – Вот... сама понимаешь, лучше поздно, чем никогда.

Что еще можно сказать женщине, с которой искренне заблуждался? Варвара была не столько женщиной для него, сколько первым клиентом. Только ни о какой психогеографии с ней речь не шла, ее проблема лежала на поверхности. Мать-вампир. Частая ловушка для заботливых дочерей. Мама страдала от болезней, большей частью вымышленных, а дочь загибалась от настоящих. Только на себя она, понятное дело, махнула рукой, а все силы уходили на маменькин психоз. И Федя Вавилов тогда сделал большую глупость – он вмешался...

А было это лет десять назад, наверное. Теперь она на костылях.

– Ну, здравствуй, Федечка!

Вкусно и без последствий

В последнее время, вынырнув из запоя, он по устоявшейся привычке шел в ненавистный супермаркет и покупал граммов триста «Русской» колбасы. В этом проклятом суетливом месте, отполированном лоском торгашеских заманух, – аппетитным витринным освещением, отупляющим музоном, распродажами и дегустациями, – жила девственно свежайшая колбаса. Именно «Русская», прочей Вавилов брезговал, как дорогой проституткой. Шикарная копченость почему-то напоминала о продажности и вероломстве. Он шел домой и, отрезая толстые розовые в жирный горошек ломти, наворачивал подряд с десятков бутербродов, пока к нему не приходило оголтелое плотоядное насыщение. Постзапойные вкусовые причуды непредсказуемы – то манной каши, как у мамы, захочется, то бабушкин блинчик, то вот почему-то «Русская» колбаса. Словно в отместку невозможности ностальгических домашних лакомств. Хотя «русская красавица» не с дуба рухнула – именно о такой женщине он порой просил случайность. Чтобы была сытная, без изыска вкусная, не отягощающая сервировкой и манерами. Позволяющая быстрое удовольствие. Но и не только! Дельная, дружелюбная, веселая баба с природным здравым смыслом. Спокойно уходящая, когда возникло пресыщение.

Что же касается нутра колбасного, черт знает из чего намешанного... «Из чего же, из чего же сделаны наши девчонки»? Как говорится, не смешите мою печень! Кто из нас теперь натуральный? Пусть будет хоть из туалетной бумаги – лишь бы вовремя радовала насущным, остро необходимым. И в то же время – не дешевка, нет. Женщина-друг? Женщина... кто? Впрочем, к чему описательные потуги. Вавилов ведь таких находил. Иногда. Но, допустим, «иногда» – громко сказано. Редко! Но Варвара как раз была именно из них.

– ...ты почему вдруг... зачем?!

Она растерялась, но что Вавилову в ней нравилось – никакой позы. Первое движение у нее – всегда улыбка. Радость ли, удивление, гнев, любопытство, меланхолия – Варя все выражала разными улыбочивыми вариациями. Потому-то он и счел ее перспективной для оптимизации психосоматического вектора. Но нынче вектор опять мог заехать ему по носу. Можно было отправиться домой, глухо матерясь, но это уже проходили. Нужно было срочно сочинять телегу.

– Вспомнил тебя. Решил найти. Прости, что без звонка. В праздник можно.

Она смотрела с азартным подозрением. Вавилов лихорадочно думал о том, следует ли задавать бестактные вопросы о костылях. А не задавать – не будет ли воспринято как равнодушные? В конце концов, он и сам этим обескуражен, более того, в первое мгновение ему показалось, что это подстава бобового короля. Сейчас сфабрикуют из него козла отпущения. И начнут не больно убивать. Ребята переборщили с абсурдом.

А главное – откуда они ее знали?! Вероятно, он сам познакомил Варю с ними, кто ж сейчас вспомнит. Хотя нет, все как-то иначе, но пускай все выяснится постепенно – не хочется резких поворотов.

Она не решалась его впустить. В ней боролись любопытство и страх, словно Вавилов был коробейник, пришедший к глупой домохозяйке и соблазняющий ее диковинной овощерезкой. А потом коробейник по сценарию должен проникнуть в квартиру и украсть кошелек. Но почему-то казалось, что она не одна, и потому Федор начал смело умолять ее забрать хотя бы это глупое шампанское и этот слишком помпезный десерт. Потому что они ему ни к чему. Он побредет один в холодный дом и больше никогда и никому не будет устраивать сюрпризов...

Конечно же, она его пожалела и нерешительно впустила, пообещав с ухмылкой, что ее дом тоже не особо блещет рождественскими огнями. Что она терпеть не может Новый год, и... Но, боги, могла ли она сказать что-то еще более канонически правильное для того, чтобы

дать Вавилону зацепку. Ну конечно, он ведь тоже терпеть не может массовую обжираловку под плебейское диско, извергающееся из телящера. Да это просто невыносимо для любого гомо, который еще сапиенс!

И вместе с тем... «моя мама – Фиделя понесло на благодатную почву! – умела удивительно интеллигентно обставить этот мещанский праздник. Скромная закусочка, легкая бутылочка, маленький круглый стол, бежевая скатерть, бормочет телевизор, сейчас зайдут соседи из 36-й... Когда всего в меру – то уже не ритуал, а импровизация. Нам надо у них, у родителей, учиться...»

У родителей? Жива ли еще старая ведьма, Варина мать? Наверное, портит более тонкую атмосферу, чем эти грешные пределы. Спрашивать прямо нельзя – у Вавилова рыльце в пуху, он желал ее смерти. А сама Варя пропустила намек мимо ушей, только спросила, не против ли он вчерашних соседских расстегаев, фасолевого салата и бутылки холодного глинтвейна?

Не против ли он? Да он только и мечтал, как Остап Бендер, о вчерашних расстегаях! А почему, Варенька, у тебя так много в доме опасных пустот? В них обычно скапливаются чужие слепки... особенно в незаполненных пространствах над нами – если высокие потолки, и они никак не используются. С другой стороны, теснота – тоже плохо, потому что тогда метафизические части тебя пытаются сбежать в другие дома... Варя слушала, чуть ухмыляясь. «Ты думаешь, что мне до этого есть дело?» – добродушно щелкнула она незваного гостя по носу. Вавилов подумал, что она, наверное, намекает на свое пошатнувшееся здоровье, но не знал, как деликатно сменить тему. Поэтому не стал про ногу, про костыли, извинился и умолк. Он еще помнил, что ему надо помахать этим резвящимся дуракам – друзьям, заслывшим его к невинной женщине, но был уверен, что, как только он ушел, о нем тут же забыли. Так что от растерянности он завел разговор о Варинем сыне. «Он в армии. Мама умерла. Что тебя еще интересует?» Этого было достаточно, чтобы почувствовать себя виновным в несчастьях этой семьи, но Федя стойко выдержал напор дурных вестей, уверяя себя, что Варенька не такая. В смысле – не будет спекулировать печалью и поминать Фиделю старые грехи. То, как он отчаянно пытался вырвать ее из болота матушкиной ипохондрии и из лап хищной медицины. И вот результат его стараний!

– Давай помогу, – только и отозвался Вавилов, когда Варя нерешительно уставилась внутрь открытого холодильника, словно надеясь, что гость передумает и откланяется.

Она энергично повертела головой и вежливо непререкаемым жестом попросила его остаться на месте.

– Как ты на костылях-то будешь? – начал раздражаться Вавилов.

Но Варя уже отставила костыли и, сильно прихрамывая, водрузила на стол бутылку и закуску. «Могу и без костылей. Укол обезболивающий вроде начал действовать». – И она снова улыбалась, хотя и недоверчиво. Да, пожалуй, любой бы на ее месте не доверял непрошеному гостю.

– Давай хотя бы шампанское открою, пока оно не нагрелось! – буркнул Фидель, желая подавить неловкость.

– Я шампанское не пью! – торопливо предостерегла Варвара.

– Я наконец понял, что мне лучше уйти, – рассвирепел Вавилов.

С годами он мало-помалу научился подавлять свою гневливость, но вот капризы пока еще его взрывали. Но Варя зачастила, что однажды так отравилась шампанским, и именно вот таким, красным, и она понимает, что он хотел, как лучше, но и она не нарочно!

– А вот это винишко самое то! Вкусно и без последствий, – показала она на бутылку с лубочной рождественской этикеткой.

Вавилов хрипло вздохнул, подавляя гнев, и попросился на балкон покурить.

Королева темных аттракционов

Обидно, но ее, звезду вечера, мало кто заметил. Впрочем, именно такая роль ей и отводилась, и Поля справилась с ней прекрасно. Помощница повара, официантка, а еще по совместительству гвоздь программы. Это ей попался счастливый кусок пирога, только там были никакие не бобы, а горсть изюма. Сначала Поля очень смутилась, но ее успокоили – задания для гостей уже готовы! Ей же остается только зачитать их. Никакой придурочной инициативы! А она была бы не прочь похулиганить. Допустим, чтобы повеселить Пашу-повара. Они давно друг другу симпатизируют. Он всегда ей улыбается, когда они нечаянно встречаются взглядами во время смены. Курить с ним на задний кухонный тамбур ходит другая девушка – самоуверенная, стрижка под мальчика, неотзывчивая на жесты и полутона. Нет, она ему не нравится. Просто приятель по бодрящему рабочему зубоскальству.

А вот у него с Полей могло бы что-то получиться! Пускай хоть маленький, ни к чему не обязывающий роман на американский манер. Надо же Полине с чего-то начинать. У нее еще почти никого не было. Такого, что можно записать в романы. И ведь Паша именно ей предложил отработать сегодня на этом празднике вместе. В Новый год! Это что-нибудь да значит. Вот только жаль, что он совсем не обращал на нее внимания, пока не разразился кошмар. Разве что когда давал указания, его лицо на две секунды становилось милым: «Поля, вот эту бутылку красного шампанского не открывай! Оставь ее в холодильнике». Поля и без него это знала. Как и то, кто эту бутылку утащил. Но так всегда бывает в суете – кто-то что-нибудь да утащит. Но Полю обвинить не в чем. Ей сказали не открывать – она и не открывала! А на нее все накнулись с подозрениями. Но она, несмотря на то что ей всего восемнадцать, умела настоять на своем.

Это был отчаянный праздник. Они бесчинствовали, словно в последний раз. Истеричный угар стареющих игроманов. Ведь именно их поколение сделало игры образом жизни. Игры опасные, примитивные, захватывающие, дикие, уютные... Живые или компьютерные – какая разница! В большинстве своем игры либо тупые, либо зловещие. Веселые игры навсегда остались в детстве. Однако Полю отторжение игровых пристрастий объяснялось просто – она сама хотела быть королевой темных аттракционов. Нетрудно догадаться, что она до страсти хотела оказаться законодательницей мод на игровом поле. Поля на поле. Пока у нее был замысел только одного квеста. Она и основных персонажей нарисовала – пышные, взлелеянные Толкином фантазмы, вскормленные напряженным подростковым воображением. Только она не знала, куда и к кому с ними сунуться! Бесконечно вступала в какие-то группы и сходки, виртуальные и очные, ловила скользящее восхищение и воздушный ворох обещаний, шелестящий мимо. Она не боялась, что украдут идею – она, напротив, этого жаждала. Вдруг нечаянно увидеть своего перса в какой-нибудь игре! Но увы... Впрочем, Полина и геймером никогда не была, успев усвоить заповедное правило «не торчи на своем товаре». Хотя нет, ничего она не усваивала, просто ее художественное зернышко-я не очень ладило с машиной. Органы чувств стремились к сырой материи.

Ее игра, которую она так любовно придумывала, была слеплена из сентиментальной сказочки о двух встретившихся на земле душах – девочки, благополучно родившейся на свет в любящей семье, и той, которая должна была родиться ее сестрой, но, как говорится, что-то пошло не так. Одним словом, душа сорвалась, и ей не посчастливилось родиться там, где Создатель ее задумал. И тогда она пошла и пожаловалась этому самому Создателю. А что такого? Душа, не обремененная телом и грехами, может. А Создатель ей и говорит: «Нет проблем! Родишься в другой, не менее благополучной семье, и встретишься со своей несбывшейся сестрой и станешь с ней дружить». Ей, единственной, Творец подарил знание об одном из тысяч путей, которыми мы могли бы пойти, но выбрали другой. Точнее, выбрал кто-то за нас.

А потом стало понятно, что такое знание, как и вообще многие знания, – только печаль! Потому что мятежная несбывшаяся девочка, узнав свою счастливую сестру, не подружилась с ней, а, напротив, невзлюбила. И смутная тоска по изначальности – тайный мотив этой вражды – понятен только ей самой, что еще больше ее мучило и снедало. Конец легенды был придуман с патетичным милосердием: счастливица однажды признается, как она в детстве просила родителей подарить ей кого-нибудь младшенького. И будто бы она до сих пор, идя по улице, ищет в толпе лицо, которое могло быть ей родным...

И несбывшаяся в слезах раскаяния открывает ей свои объятия.

Занавес и аплодисменты. Эта «легенда» открывала компьютерную игру, в которой участники должны были отыскать таких же своих несбывшихся по разным тайным знакам. Разумеется, все было густо обставлено фэнтезийным мистическим антуражем.

Но главное: в этом Полина видела свою миссию. Она хотела смягчить агрессивные виртуальные дебри игрой, в которой никого не убивали, а, напротив, дарили энергию любви. Это была пламенная идеалистка, верящая в добро, справедливость, в «да» и «нет», в свое придуманное детище – изначальное братство душ, которое мы всю жизнь ищем и даже находим, но не умеем открыть ему объятия. И Поля простодушно взялась учить. Ее юный пытливый взгляд был нацелен на скитающихся в подлунном мире несбывшихся, которым она тихо, но уверенно читала свои проповеди. Девочки и мальчики ее возраста порой даже слушали ее. Тогда она воспаряла! Но важно другое: ее мессианство развивало в ней наблюдательность. Ее интересовали люди, вся мозаичная детальность их психологии и отношений. Она жадно вглядывалась в чужие жизни и иной раз видела то, чего не замечали другие. Хотя еще совершенно не умела делать выводы.

Когда на празднике появилась ряженая фигура, Полина прежде всего испугалась. Она не любила дель арте – вычурный зловещий стиль, идеальный для преступления. Маски с огромным клювом, которые надевали доктора во время чумы... Вечно на таких маскарадах кого-то убивают! Здесь, на этом странном новогоднем действе был всего один в венецианской маске – но что-то в нем было не так. Может, дело как раз в незаметной детали – легком запахе? Человек, наряженный в бутафорию, и должен необычно пахнуть. Весь этот театральный реквизит, включая грим, обязательно несет в себе закулисные ароматы. Чумные доктора в свой хищный клюв прятали благовония или чеснок – они полагали, что это их спасет. Однако тут запах был особенный, приятный, но вовсе не театральный, а скорее медицинский, из детства, напомнивший сироп от кашля...

Город, свободный от государства

– ...так, значит, у тебя был муж. В то время, как мы были вместе.

– Да нет же! В это время его как раз не было! Он просто потом, уже после тебя, вернулся. Он и познакомил с Ольгой и Сашей. Он вместе с Сашей работал. А что ты думаешь, если я хромая, так у меня и мужа быть не может?

Видимо, они оба так устроены – их общение будет обязательно искрить от трения, ткань разговора морщиться, нити – запутываться в узелки.

– Господи, я вообще не воспринимаю тебя как хромую! – взвизвался Вавилов, и это была правда, но болезнь сделала Варю мнительной, и с этим приходилось считаться.

– Странно, что не воспринимаешь, – ухмылялась Варя. – А ведь у меня теперь особенные поклонники. Знаешь, есть такие мужики, которые почему-то на хромоту падки. Ко мне, например, на улице иногда подходят, чего у меня давненько не случалось... пока я ходила бодрчком.

– Этому есть объяснение, Варюша.

– Только не надо о моей неувядающей привлекательности!

– А я и не собираюсь! – парировал Фидель. – Во-первых, в постели никто не хромает. Во-вторых, хромая женщина будет менее разборчива. Вот тебе логика твоих ухажеров – в двух словах. Не советую тебе идти у нее на поводу.

– Ты что, с дуба рухнул?! Думаешь, я могу... с кем попало с улицы?

– Но мы-то с тобой друг для друга тоже были кем попало, если так рассуждать. Люди с улицы. Вспомни! Все неожиданно прекрасное случается между людьми с улицы.

Фидель разомлел от дивного поворота судьбы, в результате которого оказался здесь. Да ведь это и должно было случиться! Ему нужна была достойная собеседница, которая раскритикует его в пух и прах. Надо же на ком-то тренировать риторику. Ведь Федя Вавилов впервые был приглашен на архитектурный форум. Оживить программу своей анархичной метафизикой. «Психосоматика городского ландшафта» – тема доклада. Этот феерический доклад представлял собой выжимку из вавиловской концепции «города, свободного от государства». Название условное. Основная мысль – город нужно проживать. Плыть по его внутренним течениям. Попадать в его истории, знакомиться с людьми, жить в разных домах и в разных районах. Творить, создавать реальность. Возвратить утерянный смысл городского пространства, стать его духом и плотью...

А каким Вавилов видел этот самый «утерянный смысл»? Город – союз людей искусства и ремесла. Мыслителей и шутов. Мастеровых, ученых, архивариусов. Город – место знакомства и рождения. Город – один из главных персонажей нашей личной истории.

– И как само время пора перестать делить на рабочее и свободное, так и город – на спальные районы и деловой центр.

– О, кажется, я помню твои революционные антибуржуазные речи! Ты и чиновников хотел отправить в гетто. Bravo! Но теперь другие времена. Ты не боишься попасть в опалу? И по-моему, к архитектурному симпозиуму все это имеет косвенное отношение...

– Видишь ли, форум демократичный. А тенденции, о которых я говорю, – прогрессивные. Передовым архитекторам надо наметить эти тенденции. Поддержать их в подобных начинаниях. Быть может, это мои ультраромантические иллюзии, но лично я не люблю стенать об ушедшей натуре. Если я в чем-то нуждаюсь – и это в прошлом, то я сделаю это прошлое осуществленным будущим.

– Может, ты еще скажешь, что борешься с ветряными мельницами за возвращение бесплатных парковок? – хохотнула Варя.

– Я, позволь заметить, не борец, а идейный вдохновитель.

«Почему мы так мало были вместе?» – внезапно подумал Вавилов. Тогда, встреченные друг другом на улице... Самое интересное, что он познакомился с ней вовсе не потому, что она понравилась, а потому, что казалась противоположностью тех женщин, с которыми он потерпел сокрушительные неудачи. Это был моментальный и тривиальный эксперимент. Конечно, помог нести неподъемные сумки из дешевого супермаркета. Вроде разговорились о детях. А потом тема перетекла к компьютерным проблемам, и Вавилов испугался, потому что не знал, можно ли предлагать помощь – ведь так поступают воры, мошенники, насильники, всякая нечисть... короче, с Варварой его все время тяготило какое-то незаслуженное чувство вины. Но она его выручила – сама попросила. «Потому что ты – сразу видно – безобидный!» Он потом подробно и рьяно объяснял ей, что именно так и выглядят самые жуткие изуверы. Это ее рассмешило. Главное ведь – рассмешить. Но Варвара и сама была непотопляемо веселой. Азартной спорщицей. Но могла быть обиженно молчаливой – правда, недолго. Наверное, это Вавилов все испортил. И очень быстро. Хотя у него была жирная уважительная причина – Варина мамаша. Которая филигранно разрушала жизнь своей единственной дочери.

Жизнь? Нет, пожалуй, здесь Вавилов погорячился. Ведь он всего лишь на короткое время стал маленькой частью этой самой жизни. А теперь мамаша в Царствии Небесном, но значит ли это, что Варвара открыта всем любовным ветрам... К сожалению, донор, разрывая связь со своим вампиром, стремится лишь к новому деспоту. В противном случае это уникам. И что толку в это углубляться – ведь Фидель не свататься пришел. Это дежавю произошло по странной прихоти его пьяных друзей...

– Как сказал один основоположник психогеографии, «каждый колеблется между эмоционально живым прошлым и уже мертвым будущим». Я бы даже сказал – постоянно умирающим! Вот мы с тобой – образец такого будущего друг для друга. Но, к счастью, мы не стали эмоционально живым прошлым и поэтому не представляем друг для друга опасности. Мы можем строить планы...

«Что я несу!» – запоздало одергивал себя Вавилов, увязая в дурацком положении. Ведь Варвара не поверила в его объяснение того, почему он оказался в новогоднюю ночь у нее. Правда показалась ей бездарным вымыслом. Она насторожилась, и их беседа была пропитана ее недоверием. А после этих «планов» она тем паче не поверит в правду. Хотя Оленьку она знает. Откуда-то.

– Ты ведь жила не здесь. Переехала?

Вавилов хотел понять зачем. Ему были интересны мотивы человеческих перемещений. Но все было элементарно: здесь квартира матери. А та, в которой они познакомились, была съемной. Она была куда уютней! Большая кухня, обшитая деревом, плетеный абажур над круглым столом... Они с Варей раскладывали диванчик прямо на этой кухне, а Варин сын спал в комнате. Он, семи-восемилетний, как-то сложно засыпал, и Фидель даже помнил, что они с Варей читали ему «Ветер в ивах» по ролям. Дверь, ведущая на кухню, открывалась, как в купе. Когда в квартире оставалась Варина мамаша, она в семь утра с демонстративным грохотом откатывала дверь, чтобы дать понять, что ей необходимо принимать лекарства, а перед их приемом она обязана по указанию доктора съесть овсянку, которую, конечно же, тут же начала варить. Кстати, и ребенку требуется завтрак не позже семи утра – в субботу! – и собирается ли его готовить нерадивая мамаша, которая водит в дом кого попало... Все это слышалось в издаваемых старой мегерой звуках – дверном и кастрюльном грохоте, шаркающих тапках, сморкании, раздраженном сухом кашле. Самое удивительное, что Варвара преспокойно могла спать под эту зловещую канонаду – чего и Феденьке желала! «Не обращай внимания, она побесится и уйдет восвояси», – на голубом глазу уверяла она милого друга. Вавилов, маявшийся чутким сном алкоголика, был в ужасе.

Могла ли эта идиллия продлиться долго... Ведь в Федины берложки Варя ни ногой – сын-то был маленький еще и только-только начал ходить в школу.

– Надо же... Оля! Удружила. Прислала тебя. Зачем? Хотя бы спросила сначала, являюсь ли я для тебя эмоционально живым прошлым.

Обиделась.

– Опять цепляешься к словам. – Федя вернулся с балкона, выкурив очередную сигарету. – Слушай, а ведь Олина квартира, похоже, выходит вовсе не на эту сторону. – Знаешь, я здесь не был лет пятнадцать. Это дом напротив... он запутанный, с характером. Модерн с признаками неоготики. Но внутренности квартиры слишком изменились. Я только сейчас узнал, что у них есть черный ход. Люблю эту гуманную подлинность! Второй выход – это тебе не стены ломать, его не прорубишь, не новодел какой-нибудь. Это из тех времен, когда было хоть какое-то уважение к душе человеческой. А душе необходимо два входа-выхода. Всякой твари по паре, ясно?

Варвара наконец удобно угнездилась в кресле, уложив больную ногу, и с этого момента была готова ко всему сказанному отнестись благосклонно. Как будто даже немного запьянела. Вавилов надеялся, что теперь она разговорится о том, откуда знает Олю, а она – молчок! Сказала только, что это – история давняя и связанная с ее бывшим мужем, в которого Федя... не то чтобы не верил. Просто слишком мало исходных данных. Разошлись, сошлись... – значит, потом наверняка опять сходились. И такая деталь, как общие знакомые, семейство Оли и Саши, всплыла бы раньше. Здесь мир оказался слишком тесен и тонок – значит, должно было прорваться. Или Фидель – слишком подозрителен. Друзей-то своих позабыл надолго, за это время могли завертеться такие связи! Но внутренний логический пазл все равно не складывался. И почему Варвара оказалась рядом с ними дом в дом? И почему Оля не знала, куда выходят окна подруги? Что за интрига? К географическим деталям Вавилов относился очень серьезно.

– А ты хоть немного рада, что я помогаю тебе коротать самую страшную ночь для одиноких?

– Рада?! Да ты цинично помешал мне принять рюмочку новогоднего яда и наконец покончить со всем этим дерьмом, – бодро парировала Варя. – На самом деле это ты должен быть мне благодарен – я приняла тебя как изгнанника с чужой вечеринки. Интересно, почему они решили от тебя избавиться?

– Заметь – с твоей помощью!

И только Фидель решил, что праздник наконец разогнал в здоровом кураже, раздался звонок в дверь. Давай я открою!

Вавилов метнулся к двери.

– Кто там?

– Полиция, – услышал он чей-то равнодушный голос.

В глазок он действительно увидел человека в форме.

– Ну и дружки у тебя! – воскликнула Варя. – Масштабно разыгрывают!

– Заметь, они и твои дружки, – успел отбить пас Фидель и без задней мысли отпер дверь.

– Господин полицейский, не притворяйтесь, мы знаем, что вы Дед Мороз.

«Господин» не поддержал фиглярства:

– Мне нужен Вавилов Федор Сергеевич. Это вы?.

– Это я. Тоскливо законопослушный.

Худое остроносое лицо блюстителя порядка нервно заморгало. «Вы знаете Истокова Олега Витальевича?» Вавилов развеселился:

– Звучит почти как «вы знаете Зарокова?». Классика жанра, «Ошибка резидента», люблю-люблю, – Вавилов лихорадочно придумывал, что же выкинуть в ответ на эти проделки. Но то, что он услышал, привело его в шоковое оцепенение, и до него дошло, что на сегодня игры закончены. Час назад Олега нашли мертвым. Почему-то на улице. В ночь бобового короля.

Кровная аннексия, или Острые края возвращенного

– Где ты был все эти дни? Я догадываюсь, но настаивать на правоте не буду.

– Вот как раз сейчас могла бы и настоять! – закашлялся Вавилов от первой утренней сигареты.

– Короче, понятно. Пил.

Фидель промолчал, расплывшись в равнодушной бравирующей гримасе. Орлуша обняла себя, как всегда делала в растерянности и замешательстве. Ее воспитательные чары больше не действовали – так это следовало понимать?

– Вот только не надо... всех этих внутренних приговоров. Да, я сорвался. Умер мой друг. Пускай не самый близкий.

– Да, потому что близких у тебя нет, – успела каркнуть Орлова, но Фидель пропустил это мимо ушей.

– Думал, что куплю бутылочку для медитации, а потом пошло-поехало... Я не мог справиться. Не мог понять. Как он мог умереть?! Такие, как Олежка, не умирают! Разве что позже всех...

– Не тебе это решать.

– Я и не решаю, я пытаюсь понять причины.

– Ты и на похоронах не был.

– Кать, ты же знаешь...

– Я думала, это твоя обычная блажь, а на деле ты все же человеком окажешься.

– А кто я, по-твоему, – гуманоид?! То, что ты называешь блажью, – мои убеждения.

Между прочим, я не только пил. Я сделал доклад на конференции! Что я мог поделаться, если это совпало со всем этим кошмаром. Это мое первое большое выступление!

– Я и не знала, что волшебники тоже делают доклады.

– Волшебника каждый может обидеть, – попытался затерто пошутить Фидель.

– Нет, правда, а кто ты, Вавилов? То людям крышу сносишь, а можешь и компьютер починить. Вот есть «муж на час», а ты кто?

– Ну все, понеслась... Может, успокоишься? А то у меня терпение тоньше папирусной бумаги...

Но Орлуша была на удивление спокойна. Ужас, изумление, неверие в реальность происходящего – все эти чувства словно спали под холодной и вязкой тяжестью снеговой шапки. Возможно, это был страх – тот самый страх, о котором ей твердил один неутомимый сосед, старший восьмидесятилетний актер, со страстью исповедовавший астрологическую муть и сопутствующую этому кашу в голове из траволечения и акупунктуры. «Моя великолепная Катенька, вы – Водяная Мышь, ваша основная эмоция – страх. Вы – абсолютный лидер. Но если вы не избавитесь от вашего зашкаливающего внутреннего врага, он будет пронизывать все, что вы создаете. Он будет влиять на каждое ваше слово». Орлуша никогда не отмахивалась от престарелого дамского угодника – из уважения к тому, что прохвост сохраняет тонус в его-то годы. И потому что страх действительно был ее наперсником – этот мелочный монстр-иезуит, который любую новость о теракте на другом полушарии превращал в гибель самых родных и ближних, тех, о ком и язык не поворачивается. Язык-то не поворачивается, но это подлое, влюбленное в страх воображение – как оно изводит и рвет в клочья воительницу Орлушу!

Симпатичный старый болтун попал в болезненную точку. Но если уж этот страх не победила йога, значит, он для чего-то нужен. Ядовитое горючее для чувствительной природы, которая видит подводные течения и предупреждает о крадущемся зле.

Жить в городе, легко перешагивая через его границы и условности, засыпая ночью на своих крыльях... Катя Орлова считала эти сказки опасными. Потому что город – это иллюзия.

В том виде, в котором преподносит его Фидель. На самом же деле мегаполис – это порождение Запада. Запад отбирает, высасывает из человека его мастерство, его силы, его идеи. А Восток, напротив, питает. Но самое удивительное, что Федька Вавилов абсолютно уверен, что вдохновлялся для своих теорий у нее, у Орлуши. Она – так уж вышло! – по жизни для него очиститель мозгов ментальной клизмой из битого стекла. Йогу как восточную секту Вавилов отвергает, но Орлуша придумала для него индивидуальный курс. Психотерапия на грани фола. Словом, Катя верила только в то, что работает. В Федины сказки о наших тенях-слепках, гуляющих по городу, которые мы должны вернуть себе обратно, как Золушка – башмачок, Катя не верила.

Но был с ней один эпизод, невыразимый по накалу освобождения от того, что обычно называется «нести свой крест». Катя приехала в родной город, и было ей там муторно, как на железном холодном стуле в зале ожидания. Родители к тому же сделали ремонт в квартире, и теперь там не было Орлушиной комнаты, теперь это было жилье для двоих. Она старалась не придавать этому преувеличенно болезненного значения, которое придавала в ту пору всему происходящему с ней. В конце концов, она давно не живет здесь, а матери с отцом давно пора обустроить себе комфортный скворечник – как еще назвать эту малометражку... И все же – как могло получиться, что в этом доме совсем не осталось Катиного следа? Или, как там говорит Фидель, слепка... Разве примитивное материальное преобразование пространства может настолько влиять на тонкую энергию? Всегда ли из обновленных стен уходят призраки?

Иррациональные притязания внутреннего ребенка не давали покоя, и могла разразиться буря, Катя Орлова в нежном возрасте была неуправляемой, и внутренний ребенок, конечно, это помнил и вобрал в себя все разрушительное. И тогда первый и единственный раз в жизни Орлуша последовала вавиловским бредням. Она пошла в дом, который давно не вспоминала. Отодрать свой слепок и бросить его в костер. А что с ним еще делать прикажете?

В этой трехэтажной развалюхе жил первый мужчина, с которым Катя связалась в шестнадцать лет. Это был уволенный с местного радио за пьянство и непотребное поведение ведущий, который нахамил какой-то чиновной шишке и в отместку был заклеямен педофилом. Изошренная – и даже опережающая свое время! – месь бунтарю с едким мужским обаянием. Никто теперь не скажет, пользовал ли бунтарь других лолиток, кроме Кати, но все равно получается, что не было дыма без огня... Слухи, как водится, поползли. Хотя, повзрослев и проанализировав некоторые моменты той истории, Орлуша сделала вывод, что этот вечно похмельный баритон просто лениво дразнил людскую молву. Дескать, зачем же терпеть злые наветы понапрасну?! Раз уж назвали груздем – кряхтя, полезу в кузов. А Кате просто было интересно разглядывать настоящего матерого мужчину вблизи. В увеличительное стекло жадного созревания. Занятия любовью приносили ей наслаждение познанием, а еще больше – просвещением девственных подруг. Чувствовать себя опытной, смакуя подробности, – вот это кайф! В остальном же... «матерый» не утруждал себя нежностями, его секс был скорее осторожным вегетарианским совокуплением, говорил и угощал скупно, вместе никуда, конечно, не ходили, на ночь Катя мягко выпроваживалась домой. По дороге ее воображение дорисовывало судороги удовольствий и все, что надо, и домой она возвращалась совершенно убежденной в своем сказочном счастье. В шестнадцать лет и из меньшего раздуешь поэму! Тем более когда мечтаешь убежать от родителей и зажечь по-своему.

Поэтому когда в дверь к баритону начала с криками барабанить жена – вроде бывшая, но кто ее знает! – Катя подумала, что ее обманули, и жизнь рухнула. Ведь в грезах своих она уже летела вместе с любимым в Америку, и там они открывали лавочку театрального реквизита на Бродвее. Ей казалась эта сказка вершиной карьеры. Она ходила в оформительский кружок, демонстрируя способности, пока не стала трудным подростком. Любовь вернула ее к мирным созидательным занятиям. А баритон спяну бредил Нью-Йорком. Почему-то. Катя ведь не знала, что он потом ничего не помнил.

И вдруг какая-то жена... Кричит: «Открой, извращенец проклятый!» Да еще с участковым, который истошно уверяет, что квартира полна несовершеннолетними девочками. Баритон, уже готовый, меланхолично открывает: «Ну чё тебе?!» Катя поначалу прячется на балконе, а потом решает явить лик правосудию. Зачем прятаться, если все честно? Она кричит, что они любят друг друга и что любимый никакой не извращенец. Это была речь не девочки, но правозащитницы. «Ёкорный бабай...» – гаснет в покорной трехэтажной руладе баритон. Усатый одышливый участковый поднимает было любопытствующий глаз, но проза жизни берет свое, и он увещевает одичавшую супругу: мол, ну что же вы, гражданочка, разволновались. Тут все по обоюдному согласию, и с кем не бывает! Составы преступления не видно. Успокойтесь, попейте водички. «Слушай, Андрей Геннадьич, заколебали эти бабы... принеси маленькую, а?» – хриплым шепотом в коридоре просил баритон. – «Да погоди ты! – возмутился участковый. – Дай ты супруге-то хоть чего-нибудь, а то ведь она в суд подаст». «Так у меня щас нет, я завтра перехвачу...» – «Ну, блин горелый...»

Так постыдно оборвалась Катина увертюра к личной жизни. Но если бы только постыдно! С той поры у нее начались приступы эпилепсии. А родители, прознавшие об этой истории и получившие юное чадо, приобретшее тяжкий недуг после связи со стареющим алкашом, навсегда изменили свое отношение к дочери. Она получила клеймо полной неспособности к адекватным действиям. Ее посадили под домашний арест. И все это поддержал старший брат. Любящая семья всерьез взялась исправлять кривой росток.

На память о тех временах Орлуша оставила некоторые варварские подростковые привычки. Мягкий торт она до сих пор задумчиво ела большой ложкой и в тот день, когда надо было мыть голову, ходила лохматая и нечесаная – ей вообще было жалко того времени, которое приходится тратить на облагораживание собственной внешности, которая никогда не устроит мыслящего человека. Чем ей нравился баритон – он ее в этом понимал. И теперь она увидела его мертвым.

Именно тот день, когда Орлуша решила пройти по старым адресам, совпал с его похоронами... Она в оцепенении прогоняла неуместную мысль о том, что впервые за много лет ей вздумалось прогуляться здесь утром, чтобы дотронуться до той мажорной дымки, которая всегда сопровождала ее в непоседливом детстве. И вот, дотронулась... до смерти. Почему же он умер именно теперь, когда она решила посмотреть на него? И кто он... Объект давней любви, которую размыли волны мещанской обыденности? Почему его, неестественно пожелтевшего, одели в пиджак, который он никогда не носил, печально новый, нетронутый, что еще больше подчеркивало пропасть между ней и им, вроде как совершенно чужим человеком. Он-то не страдал, как истеричный подросток, он, конечно, сразу все забыл, распив пол-литру. А она – случайно! – пришла проводить его в последний путь. Что за знаки судьбы? И кажется, та самая костистая жена в черном, постаревшая и смиренная, пришла к своему «извращенцу»... Сейчас у нее отрастут маленькие свинячьи ножки и кровавая дыра вместо лица, как на картинах Босха. Защитная реакция – Катя уходила в фантазии. А потом гроб понесли вниз по старой, истоптанной лестнице аварийного домишки, и Кате казалось, что городские власти наконец-то дождалась смерти последнего жильца, чтобы без затрат на переселение снести развалюху. Смерть человека всегда кому-то выгодна. Всегда.

На обратном пути Орлуша тонула во вселенской безадресной жалости к мировой душе, частички которой прощаются с бранным телом, а затем «печальный желтый ангел» летит в небо, нежно обнимая эти грустно оборвавшиеся жизни. И утешает, что следующая получится лучше, словно мастер – юное подмастерье. Ей хотелось выплеснуть горькое недоумение Фиделю, который не предупредил, что возвращать себе себя очень больно. Его завлекательная болтовня про энергетические слепки вовсе не безобидная. Его архитектурное шарлатанство, так развлекающее во время прогулок, имеет опасные последствия. В этом Катя Орлова вскоре убедилась.

Она скоростно уехала обратно в свои столичные приключения. Испугалась, что круг в родных пенатах замкнулся – в родительском доме уже нет места, а город умертвил первого мужчину. «Все свои слепки я точно отсюда забрала», – усмехнулась Орлуша по дороге на вокзал, и почему-то ей представлялась гора глиняных черепков, которые она сложила в огромный тюк и тащит, как бурлак. Но вскоре обо всем этом забыла – прямо в поезде она познакомилась с симпатичным мастером по нидра-йоге, который так и не научил ее божественному расслаблению. Но Катя, практически не видя этого шамана при свете, родила от него дочь. Ей казалось, что они очень сблизились духовно, но, как и следовало ожидать, йог отвалил в паломничество по Индии и так из него и не вернулся. Орлуша пыталась привлечь внимание к его судьбе, но, узнав о ее беременности, люди прятали снисходительную улыбку. Никто не желал его искать. «А ведь в Индии порой бесследно исчезают люди!» – пыталась она воззвать к общественности. Но в ее ближайшем окружении йогой никто не увлекался, в лучшем случае считали это блажью, а уж сбежавшего от обрюхаченной им девушки и вовсе считали неудачным анекдотом. Так Екатерина Орлова стала матерью-одиночкой. Нет, точнее, просто одиночкой. Потому что ребенка у нее отобрали.

Надо заметить, что первое время ответственность за все случившееся Орлуша возлагала на своего старинного друга Федора Вавилова и его персональную психогеографию. Разумеется, никому об этом не говоря. Это было сродни острому молчаливому помешательству. Но нужно было оправдать случившееся для себя так, чтобы не было мучительно больно. Чтобы не сходить с ума. Вписать в драму инородное полумистическое тело-причину, и на него свалить всю вину. А впрочем, в накачивающие часы отчаяния Екатерина Орлова винила в своем одиночестве только себя, а не своих родственников, которые отобрали у нее Марусю. Ведь мама и старший брат Кати хотели всего лишь спасти ее дочь. Спасти от будничных срывов в пропасть, которые были неотъемлемой частью жизни ее мятежной матери. Если хотя бы вспомнить про эпилепсию... да, болезнь ушла в ремиссию, но ведь изредка случались приступы. А что, если приступ случится с Катей, когда она с грудным ребенком на руках? Что, если Катя уронит младенца головкой на острый угол? Может произойти что угодно. Орлуша, при всем ее бунтарстве, была очень внушаема и мнительна. И не присуще ли это свойство всем бунтарям?

Таким образом, вначале все не казалось таким уж чудовищным. Катя поживет с ребенком у мамы. Многие же так делают, когда только-только разродятся. Тем более муж объелся груш. Но сколько надо было жить здесь, на малой родине? Год, два, три... Невозможно! Орлуша умирала здесь от тоски. И начинала злиться. Тогда мама размеренно-разумным тоном, не очень ей свойственным, начинала объяснять Кате, что она, конечно, может съездить куда ей надо, но Марусю во имя ее же безопасности надо оставить здесь. Катя с тоской думала, что, наверное, не случись скоростного ухода отца, не останься мама в этой свежотремонтированной квартире одна, не было бы этой кровной аннексии ребенка, который имеет право жить с матерью, даже если мать – сущее чудовище. Даже если она прокаженная. А ведь Орлуше вменялись в вину куда менее очевидные ужасы. И этот мамин смехотворный козырь:

– Катюша, у тебя нет сопротивляемости к людям патологической природы. И от этого, согласишься, может пострадать твой ребенок.

Мама ни на минуту не забывала Катиного детского позора. И ведь как складно звучит – «нет сопротивляемости». Действительно: полюбит Катя педофила. Настоящего! Какой ужас! И вот однажды, когда ее не будет дома, гадкий мерзкий педофил подберется к ее нежному дитя...

«В действительности у тебя нет сопротивляемости к зомбирующей семейной опеке», – резюмировал однажды Олег с нелицеприятной точностью. Он был единственным из дружеского круга, которому Орлуша рассказала о том, что у нее есть дочь. Как ей удалось скрывать этот факт от прочих пятнадцать лет? Сущие пустяки. В воспаленном распухшем мегаполисе возможно утаить и не такое шило.

Но почему именно Олег? Тут, чего уж таить, родительская корысть. Он пообещал устроить Марусино будущее. Маруся – она ведь, конечно, тоже получилась «без сопротивляемости», ей надо будет помогать. Она музыкально одаренная девочка, а таким без покровителя прямой путь либо в творческое нищенство, достоевский ужас талантливого, но маленького человека, либо... еще более худшие участи с примесью эфедринов и барбитуратов. А у Олега были связи в привилегированной музыкальной школе, в хорошем колледже, откуда сразу можно поступить куда надо. Другое дело, что 99 процентов таких обещаний – пустышки. Но Орлуша тщательно и любовно вытаптывала площадку для будущего дочкиного взлета. И она позаботилась о том, чтобы влиятельный Олег был ей так обязан, что... она, быть может, не слишком крепко держала его за Кощеево яичко! Но у нее был маленький повод так думать.

И вдруг выкормыш приказал долго жить! Нелепо новогодне. Его нашли на улице, когда он – кому скажи! – выполнял задание бобового короля. Мир, конечно, давно сошел с ума, но безумие, как всегда, полоснуло свежим оттенком. И при этом Орлуша была странно спокойна, хотя ехала к следователю. Вместе с Вавиловым, который должен быть дать свои путаные показания.

– Поверь, есть в этом деле два странных обстоятельства: черный ход в доме Ольги и окно не на ту сторону, понимаешь? – Вавилов так возбуждался, повторяя эти слова, что в его дыхании поднимался тщательно заретушированный Орлушиным противопохмельным бульоном и жвачкой перегар.

«Интересно, как на это должен отреагировать следователь?» – думала Катя, но пугать этим Фиделя не хотела. Еще, не дай бог, начнет тушеваться, а полицейский подумает, что у него рыльце в пуху.

– Так, я не поняла: а чье окно и на какую сторону должно быть?

– Ольга сказала, что Варино окно выходит на ее сторону. И даже просила помахать им всем, дуракам резвящимся. Они с Варей вроде как приятельствовали. А окно оказалось на противоположную! Я не стал выяснять у Варвары – сначала вообще не обратил на эту деталь внимания, счел недоразумением. А вот сейчас я думаю: ведь это очень странная ошибка! Сама посуди...

– Ты, конечно, молодец, что глубоко копаешь, – усмехнулась Орлуша. – Но дело элементарное. Оля и эта твоя... Варвара-краса, они просто не слишком плотно общались. Или, как это бывает, одна ходила в гости к другой, а другая – то есть Оля – не ходила в гости к Варе. Что здесь такого... У Ольги хоромы знатные, а у Вари твоей – обычная халупка. Любая рыба плывет туда, где глубже.

Про себя Орлуша подумала, что от своих ближних можно такие сокровища утаить – что там твое окно, Феденька! Тот, однако, не сдавался. Он мучился догадками о диковинных ядах, которыми был отравлен человек, «которого он всегда недолюбливал». Но за что? Интуиция психогеографа, конечно, не должна была его подвести, как неосторожно язвила Катя.

– Орлова, ты ужасная тетка! Все поперек! Я, по-твоему, идиот, Варя – тоже сомнительного рода бабенка в «халупе». И только ты у нас – из любого дерьма выходишь в белом костюме. Я, конечно, уважаю тебя как тренера своего немощного духа и понимаю, что за снобский цинизм платят гораздо больше, чем за здравый смысл, но ведь ты даже не была свидетелем преступления!

– Федя, дружище, лично меня куда больше загадок окон и дверей беспокоит, почему и тебя на момент убийства выпроводили! – Катя пропустила мимо ушей обычную вавиловскую вспыльчивость. – А то, что ты называешь цинизмом, – моя защитная реакция. В наш первый разговор после... тем жутким утром первого января, ты дал куда более калорийную пищу для размышлений, упомянув человека в венецианской маске и в плаще. Этот костюм делала я. И Оля попросила у меня его... незадолго до этого кровавого праздника. На время. Таким обра-

зом, тот, кто, по-твоему, самый вероятный отравитель-убийца Олега, воспользовался моими скромными способностями на ниве бутафории.

– Почему же скромными?

– Это, так сказать, из ранних моих поделок. Ничего выдающегося. Но, как бы то ни было, я предпочту, чтобы о моей причастности никто не знал. А то еще сойду за соучастника.

– Оля в больнице? Ей не лучше? Ты вроде с ней на дружеской ноге...

– Я же ей не напоминаю при каждом удобном случае, что когда-то, еще при Иване Грозном, она два месяца работала стриптизершей.

– Ишь ты, какая целомудренность! Я просто хотел взбодрить ребят доброй шуткой. Слегка неуместной, согласен. Но, надеюсь, Оленька не из-за этого сбежала в обострение своей ипохондрии.

– И после этого ты меня обвиняешь в цинизме! Прэлестно... У Ольги целый букет самых что ни на есть реальных проблем со здоровьем.

– Вот этим букетам-то я и не доверяю! Это как усыновлять детей оптом. Человеку под силу жить с одним, максимум с двумя серьезными заболеваниями. Хотя ты права, дело сейчас не в этом. Я просто всем, кто затеял этот балаган, теперь агрессивно не доверяю. Не могло это кончиться ничем хорошим.

Опавший нимб

Встреча у следователя проходила сонно и формально. Вавилов ведь сам напросился – ему казалось крайне важно донести те самые детали, от которых легкомысленно отмахнулась Орлуша. Он долго думал и анализировал. Он злился на себя, оттого что шок от этого известия и последующий малодушный запой не дали ему задать окружающим правильные вопросы. Его приводила в неистовство сама мысль о том, что никто вокруг не видит в происшедшем преднамеренности. Одну фатальную случайность! Но ведь это абсурд и преступление перед логикой. Олега выпроводили на улицу, и он там умер! При вскрытии нашли невнятную гиперемию внутренних органов, которая могла быть признаком анафилактического шока. Эту секретную информацию добыл Макс через особ, приближенных к Олеговой жене. С ней из старой гвардии никто не знался – это была незнакомая, «обновленная» жена, не пропитанная общим ностальгическим бэкграундом.

И согласно добытым сведениям, созрела генеральная версия – все дружно обвиняли в смерти Олега каких-то мифических прохожих хулиганов с пиротехникой или газовыми баллончиками. Бедняга вышел в злую опасную ночь, где все перепились и бесчинствовали, и стал случайной жертвой ублюдочной шпаны... Но, помилуйте, «случайная шпана» не может не оставить следов! Которые обязано обнаружить следствие. И почему-то все решили, что следствие их обнаружило, но молчит, как следствию и положено! Не проявляет никакой активности – и нормально. И слава богу – вот древний инстинкт советского неандертальца. Ни следов от пиротехники на одежде и коже Олега, ни следов распыления газового баллончика. Но во всем виноваты гастарбайтеры, конечно.

– Они ведь должны быть... следы?! – приставал Фидель к облеченному властью флегматику, который все время что-то изнурительно записывал, а потом, сморщившись, переводил взгляд на монитор. Назойливый гражданин, пришедший поговорить о смерти при странных обстоятельствах Олега Витальевича Истокова, казалось, совсем не занимал его.

– Теоретически – да, – отозвался полицейский, не собиравшийся выдавать тайны следствия – согласно рисунку своей зловещей роли. Отозвался после долгой паузы, когда Вавилов уже и сам забыл, какой вопрос он задал.

За эти минуты в его голове успела пронестись хищная стая вопросов, и главный – который его мучил с того самого момента, когда он увидел за оцеплением неподвижное и словно ждущее занавеса тело полнокровного здоровяка Олега: почему этот хищно улыбочивый энергичный дурак был Вавилову неприятен? Фидель обычно испытывал к подобным людям совсем другие чувства. Дураков он изучал. Он считал, что в большинстве своем глупость прикрывает нечто более совершенное, но социально менее приемлемое. Не у всех и не всегда, конечно. Но Олег Витальевич – фигура видная, начальственная. Любой начальник – всегда дурак, но непростой. Что-то его вывело на эту вершинку, на его пускай жалкую, но кочку зрения, откуда он распушает хвост и водит указующим перстом. Но в ту пору, когда они были бандой, Олег был приклатненным пижоном. В том смысле, что вечно имел какой-то сиюминутный блат, но так как Вавилов не чувствовал в нем породы, он не воспринимал его всерьез. И в этом был его наивный просчет. От Олега веяло сомнительными суррогатами нового времени – порошковыми продуктами, американскими тренингами, евангелистскими стадионными проповедями. Он слишком быстро приспособился к мелкой кустарной коммерции, в которую многие ухнули от нужды, как в омут. Конечно, и самого Фиделя не миновала чаша сия – но не всерьез. Тогда он вообще ничего не воспринимал всерьез, заработок был приключением на грани фола, сопряженным с опасностями бандитской эпохи первичного накопления.

Помнится, с Игорьком они чем только не торговали: сигаретами, парфюмом, лифчиками... одна памятная авантюра с овощерезками в Польше чего стоила! Ребяческий успех.

Не омраченный даже дракой с местной гопотой... Потом пошла эпопея лосин из Югославии. Вернувшись как-то, они и обнаружили Саню, подавшегося в рэкет. С Олей он сошелся гораздо позже. Макс и Арчи мутили свою рок-группу... золотые были времена. А Игорь быстро откололся и начал работать с Олегом, развивать его детище – агентство недвижимости «Золотой фрегат». Стоп! Недвижимость началась не сразу. Помнится, сначала открыли ларек детских товаров. Игорек тогда еще не пил. Точнее, употреблял и загуливал, как все, без рекордов.

Олег тем временем с квартирной купли-продажи медленно, но верно дрейфовал к более рыбным берегам сделок с офисной недвижимостью и тому, что впоследствии будет названо щеголеватым и напыщенным для русского уха словом «девелопмент». Эту стезю в их компании Олег Истоков застолбил прочно. А Игорь, напротив, быстро срыл с этих галер – характер не тот, не упертый и жалостливый. И даже... верующий, вот что. Он однажды пришел ночью – Фидель тогда вместе с женой обретался в хате одной мажорки, она свалила за бугор и оставила их сторожить дом и обхаживать собаку. Игорек был пьяным, мокрым от дождя и покаянным. Волосешки кудрявые тонкие, из-за которых его наградили прозвищем Гарфункель, словно липкий опавший нимб, запомнились Вавилону странным символом того вечера. Все, что нес тогда Игорек, показалось Феде сильно помноженным на алкоголь. Какие-то несчастные, вышвырнутые Олегом на улицу старики... и все ради наживы. Не могло быть все так гнусно. Во всяком случае, тогда мысль о подобных деяниях в их дружеском кругу Фидель не допускал. А Игорек срывался на патетику о грехе... И хотя ему не верили, зерно сомнения он заронил.

Кем был сам Вавилов тогда? Хамоватым непризнанным хлыщом-графоманом. Психогеография в нем только лишь прорастала, не умела взлететь, как недоклеенный воздушный змей. Его неловкие идеи воспринял только Арчик. Но, впрочем, он, широкая душа, всем любил угождать.

Теперь Игорь спился, Макс все тот же пофигист на велике, с губной гармошкой, а Олег занимается продажей офисной недвижимости. Человек при деле. Но разве был в нем размах... Хотя деньги его любили. Однако подобные материально удачливые, но мелкокалиберные персонажи вызывали у Вавилова острую досаду. Ведь сколько пользы мог бы принести человек, у которого в руках – мощный материальный рычаг, и при этом он чувствует тонкие энергии, умен, изобретателен и имеет чутье. Но таких экземпляров единицы – тех, под чьим крылом дружат талант и деньги. А Олег был обыкновенным хватким кротом и вдобавок балагуром без искры божьей. И лицо у него краснело, когда он выпивал. Кому могла понадобиться смерть такого человека? Если у него жизнь средней паршивости, то и смерть без фейерверка...

Вавилов очнулся от крамольных мыслей. Не прав он в корне, дураку понятно! Дураку... все же почему это слово упорно приходило в голову. Олег был далеко не глуп, конечно, просто так выглядел. Но какая-то в его облике была ложь. Словно кабан напялил на Новый год костюм зайчика, который трещал по швам...

Ветер памяти поднял вихрь из кадров прошлых лет и новых моментальных мыслеформ, и тот круг вопросов, который Вавилов собирался прояснить в этом небезопасном месте, сумбурно сузился до анализа новогоднего угощения, которым потчевали гостей праздника. Но экспертиза, как выяснилось, еще не закончилась. Человека, который скрывался под маскарадным костюмом Орлушиного производства, пока не нашли, кто бы сомневался... а об остальном Фидель спрашивать поостерегся. Вавилов давно на ус намотал – с погонями молчок. И особенно тогда, когда тебе сильно любопытно и кажется, что за это тебе ничего не будет. Будет! Даже глазом моргнуть не успеешь.

– Вы с супругой пришли? – отвлекся от трудов праведных трудолюбивый писака.

– Нет! – поспешил ответить Фидель, словно мальчик, яро отрицающий перед дворовыми дружками, что пришел с мамой.

Последовала вопросительная пауза. Или она только показалась вопросительной?

– Это моя давняя подруга. Екатерина.

– Она замужем? – почему-то поинтересовался следователь.

– Нет! – с облегчением сообщил Вавилов. Нет мужа – нет проблемы. Никого нечаянно не заложил.

– А состояла ли в браке?

– Не состояла. А почему вы спрашиваете? Познакомиться хотите? – взбодрился Вавилов, особенно заметив следы оживления на доселе непроницаемом полицейском лице.

– А дети есть? – не унимался представитель органов правопорядка, и Вавилов уже и не знал, чего опасаться. Но все же выдавил из себя: – Нет... насколько я знаю.

– Плохо, значит, знаете! – победительно рявкнул следователь. – Плохо знаете вашу давнюю подругу! – Он вспыхнул злорадным удовольствием от ощущения мелкого превосходства, которое, как водится, приносило окружающим большие проблемы. – Пригласите ее ко мне, пожалуйста.

«Орлова! Осторожно, он идиот!» – только и успел сообщить Фидель безмятежной Орлуше, ожидающей его в коридоре и уткнувшейся в свой смартфон. Она совсем не удивилась тому, что ее вызывают. И даже не удивилась тому, что у нее есть дети. Хотя, проявив несвойственное ей милосердие, обещала дать необходимые разъяснения, но позже. «А вдруг мы уже не увидимся! Вдруг тебя сгноят в подвалах Лубянки! – нетерпеливо оскалился Вавилов. – Давай, пока никто не заметил, свалим отсюда по-тихому!»

– Что за ребячество, право же. Вот не сечешь ты момент. Есть злой следователь, есть добрый. А есть – странный. Этот жути умеет нагнуть получше тех двоих. Но и мы не лыком шиты, верно?

Верно. Но иметь тайных отпрысков, словно она незамужняя императрица, – это уже неподобающая приличной женщине мелодрама с элементами триллера.

Mea culpa¹

Все эти дни Вавилов думал о Варе с тягостным чувством вины. Он вторгся в ее жизнь, втянул ее в криминальную историю – и снова смылся. Потому что погряз в случившемся – и бесконечно прокручивал теперь образы своих друзей, которые оказались в кругу подозреваемых. В ту сломанную новогоднюю ночь после прихода полицейского начался кошмар, который назывался расследованием, а на деле – происходящее только запутывалось в тугой и бессмысленный клубок. Но Варя с честью выдержала все допросы и даже порывалась ковылять на место преступления. От чего ее категорически предостерег полицейский. Смущало только одно: она говорила явно меньше, чем знала. После того как все формальности следствия были закончены – а также неформальности в виде Олиных припадков и отправка ее на «скорой» в больницу, рыдания, сумятица и оказанная Вавиловым сумбурная психотерапия девочке-официантке Полине, – он вернулся к Варваре. Ему казалось, что именно она все прояснит. Ведь почему-то Фиделя отослали именно к ней! В чем тайный смысл этого жеста, кто был его автором... Или нет никакого тайного смысла, а есть только явный: Фиделя хотели сделать подозреваемым. А кто хотел? Орлуша права. В сознании звучал древний сигнал опасности, надо было собирать информацию – а Варя на все вопросы уходила в неосознанку, твердила, что не знает, кто такой Олег, а Олю и Сашу называла «милые странные люди». Притом что могла вспомнить только одну странную деталь – в их доме был какой-то игрушечный пистолет, идеальная копия настоящего, который абсолютно имитировал модель... «хотя в оружии я не разбираюсь».

– ...и я однажды спросила у Саши, зачем им этот муляж, а он сказал, что это философская игрушка, и она символизирует необходимую нам всегда бдительность. Потому что никогда не знаешь, настоящий или игрушечный пистолет у тебя в доме, и когда он выстрелит, а может, никогда... но надо помнить, что он может оказаться в руках ребенка, и тот играючи может нажать на курок, а вот каковы будут последствия – кто знает.

Интересно, с каких это пор Саша философ? Или это отголоски опрометчивого криминального прошлого? Впрочем, у Сани давно вполне мирная стезя. Хотя Вавилов толком и не знал, чем занимается его старый приятель. Эта внезапная смерть заставила его понять, насколько он невнимателен к крупным деталям, упоенно копаясь в эстетских мелочах.

Одним словом, его неприятно удивила Варина неосведомленность. Его раздражали люди, которые мало знают о ближних. Особенно женщины. Тогда чем же они занимаются?! Основное занятие женщин – приносить на хвосте ворох сплетен. А уж умный человек отделит в этом колтуне зерна от плевел.

– Варюша, я ведь даже и не помнил толком, что ты с Олей знакома. Для меня новость, что ты живешь с ней рядом. Вообще все это – бредовый ребус! А у тебя даже версии нет, почему меня отправили к тебе...

– Но я знаю не больше тебя! Какие могут быть версии...

В ее глазах был страх. Испуганная увещевающая улыбка! Она забилась в защитную раковину так же, как сворачивалась в своем любимом кресле. Вавилов не понимал почему. Конечно, произошло убийство. Но ведь она никак с ним не связана!

Или?

Все из-за проклятого пьянства. Профессионализм, может, и не пропьешь, но память – запросто. Фидель уже многого не помнил. А теперь... не спрашивать же у испуганной Вари, почему она, случайная девушка с улицы, оказалась накрепко связанной с вавиловским прошлым. Кажется, она говорила что-то про своего мифического мужа. Будто он работает с нашим Санькой. Такие пересечения бывают, кто спорит. Но была какая-то деталь в тогдашнем Варень-

¹ Моя вина (лат.).

кином облике, которая привлекла внимание – и которая некоторым образом делала их знакомство не таким уж случайным. Но Вавилов, пьяница грешный, эту деталь забыл.

Сегодня он договорился о встрече как раз с той женщиной, чей потенциал по части сплетен обнадеживал. Шикарная Белкина. Фидель был уверен, что ее игривый эпатаж в начале праздника, когда все были возбуждены и быстро пьянели – всего лишь обманный маневр. Она, бывало, заигрывалась в роковую кокетку, бывало, ее захлестывали страсти, но она умела использовать свои утрированно выдающиеся данные в деловых интересах. И надо было просто понять ее интересы. Легко и непринужденно.

Вавилова все еще преследовал морок той ночи. Ощущение гнусной издевки происходящего. И конечно, его исход. Он не понимал смысла всего этого. Но чувствовал, что прямо ни у кого ничего не спросишь. Вот и у Орлуши объявилась вопиющая тайна. Как можно было утаить ребенка?! Ладно, если б это сделал мужик. А то Катя Орлова. Эталон правильных решений в экстремальных обстоятельствах! И как она это объяснила – тоже открытие:

– Я боялась тебе рассказывать. Помнишь, я уехала к своим на два года. Вот тогда и родила. А потом... Не знала, как ты воспримешь. Вдруг – категорично? Скажешь: как ты могла бросить дочь? Поезжай за ней, заведи у родни... А я не могла. Я боялась, была зомбирована мамой и старшим братом. В его семье воспитывалась Маруся последние два года. Я только-только преодолела этот противоестественный страх, объяснила себе, что Маруся уже большая, и я не смогу нанести ей ненамеренный вред. Я собиралась ее забрать. И в этом не последнюю роль сыграл тот разговор с Олегом. Он обещал устроить ее в лучшую музыкальную школу, где учатся многие дети разных известных Гутманов-Бутманов. И она бюджетная – там цена вполне посильная. Ты скажешь, это была обычная болтовня. Может быть. Но есть ведь нас возвышающий обман! Который помогает побеждать внутренних монстров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.